

Книжная полка

Ржавые грабли хрустальной реки

На днях выходит в свет поэтическая диалогия избранного за два с половиной десятка лет Елены Лещинской – «Колыбельная для камикадзе» (16+) и «Рисунки мелом» (16+)

Автор характеризовала две книги как разные грани реальности. Но поэзия – барышня капризная, и к каждому человеку поворачивается своими гранями.

Казалось бы, самое благодарное дело – дать высказаться о поэте человеку, который, как бы помягче сказать, к поэзии «ровно дышит». Нет, конечно, как и все, восторгаюсь

шедеврами классиков, понимаю красоту слога. Но разбирать «по запчастям», вникать в смысл строк – не для меня это. Впрочем, как сказал один умный человек, искусство – оно ж на уровне ощущений: раз нравится, то и понимать не обязательно.

А стихи Елены Лещинской – мне нравятся. Смелостью, хлесткостью, проникновенностью, необычными эпитетами и метафорами. Периодически она выкладывает на страницах социальной сети свои творения – иногда свежие, навеянные бессонной ночью, иногда написанные много лет назад и, по мнению автора, требующие небольших поправок или просто достойные, чтобы с них стряхнули пыль забвения. Когда-то меня зацепило «Я пишу тебе письмо ночью»: наверное, потому что это свойственно всем девочкам и, наверное, потому что у каждой из нас есть своя история не свершившейся любви. А потом были стихи в память о Мише Скуридине – понятно, близко и одинаково больно. Когда эти разрозненные впечатления собираются в два тома стихов, кажется, что открываешь потаённые уголки души автора. А может, и свои...

При всём моём «ровном отношении» с большим пиететом отношусь к тем, кто умеет слагать стихи.

По-настоящему, талантливо, от сердца. Когда чувствуешь, что нет ни грамма фальши. И, о боже, как же мастерски они складывают в красивые фразы – «много букв», как любит говорить сама Лена. Сочетать возвышенное и практическое, печаль и ГОСТы, корону и пакет с мандаринами, нежность и дерзость – это мармеладный ломтик луны и ром в капитанской каюте. «Все мы, барды, немного с приветом!» – признаётся автор. Только вот поэзия её не совсем бардовская, или даже – совсем не бардовская.

Способная на едкий сарказм и бьющую наотмашь символику, Елена Лещинская проявляет порой удивительную лиричность и романтизм. И в этом – она вся, сотканная из противоречий и тем интересная. Добрая и отзвучивая, с готовностью распаивающая дружеские объятия, и колючая, как ёжик, порой остро воспринимающая даже малейшую критику, обладающая тонким чувством юмора и обижаящаяся на шутки. Чуткая и ранимая, но вполне способная дать отпор, если потребует. Это – Лена в жизни и в поэзии. Такую тебя знаю, такую тебя увидела в твоих стихах. Мы разной крови, но у каждого из нас в жизни есть свои ржавые грабли и хрустальная река. Спасибо тебе за удовольствие и возможность покопаться в себе и что-то переосмыслить.

✍ Ольга Балабанова

Елена Лещинская

Ю Ирина Батанина

Поэзия

✍ Елена Лещинская

Дракончик Теночтитлана

***
Я тебя забываю, а это непросто –
Застарелые раны болят по ночам.
Для забвения
нет алгоритмов и ГОСТов,
и методикам не поддаётся печаль.
Забываю тебя,
как монетку в кармане,
как твоё обещание
бросить курить.
Я забуду.
Мне легче когда-нибудь станет,
И сумею, как раньше,
с тобой говорить:
улыбаться,
уютно устроившись в кресле,
и ногами болтать,
и болтать чепуху,
подбирать на гитаре
дурацкие песни
и придумывать рифмы
к смешному стиху...
Я забуду.
И вместе мы вспомним другое:
как летел над волнами
весёлый наш флаг,
и торговые шхуны
сдавались без боя,
и норд-вест залихватски
свистел в парусах...
И глушили мы ром
в капитанской каюте,
об ушедших в морскую пучину
скорбя...
Знаешь, мне без тебя одиноко
до жути,
и поэтому я забываю тебя.
Я стираю из памяти
вкус твой и запах,
в ключья рву
неотправленных писем
тетрадь.
Но бывает, тоска
подступает внезапно,
и опять забываю
тебя забывать...

Марья

Звёзды тают в ожиданье солнца.
Марьюшка, найди себе другого.
Финист – Ясный сокол
не проснётся –
Не помогут ни слеза, ни слово.

А проснётся – всё одно
не вспомнит,
Он в чужом красуется колечке.
Знаю, как твоё сердечко стонет.
Не кручинься, Марья,
время лечит.

Но зачем в ночной
промоглой хмари
Снова напеваю сказку эту?
Горько, безутешно
плачет Марья...
Может быть,
разбудит до рассвета.

***

Лиловое утро, неяркий свет.
Пломбиром в кофе растает сон.
И если выучил слово «нет»,
Ещё немного – и ты спасён.

Ещё немного. Шагни за дверь.
Одно движенье, один порыв.
Не жди награды, не считай потерю.
Дорога тянется сквозь миры.

Вот ты стоишь
с холодком в груди.
Слепит глаза золотой дракон.
Но если кто-то сказал: иди,
То этот голос тебе знаком.

Прозрачно небо, светла вода.
За горизонтом остался страх.
И если выучил слово «да»,
Твоё спасенье – в твоих руках.

Юнона и авось

Золотые молнии, гулкий гром
оставлять на пороге,
как входил в дом.
Фотографии пыльные
за стеклом,
записная книжка у телефона...
Остановка рядышком –
семь минут.
Наплевать,
что больше нигде не ждут.
Не красив, не богат,
не умён, не крут...
Я прошу, не плачь обо мне, Юнона.

Капитолий спился,
забыт Олимп.
Каждый новый день –
бесталанный клип.
Я, как мошка в мёде,
по крыльям влип.
Сыт по горло,
а кстате, и пьян некстате.
Небеса заждались моего озня.
Я прошу, дорогая, забудь меня.
Не удержат миска и простыня.
Ты не плачь обо мне,
умоляю, хватит.

Я, пожалуй, пойду
по своим делам.
Мне сварганят миф
и построят храм.
Принимай паломников,
лей бальзам.
Помни: жертвы –
признак дурного тона...
Я не тот, кто нужен
твоей толпе.
Бесплезен, словно
в хвосте репей.
Посошок! Не хочется –
так не пей.
Я прошу, не плачь обо мне, Юнона.

***

Улыбаясь медленно и светло,
Наблюдаешь тихо и незаметно,
Как твоё знакомое божество
Неуклюже прикидывается
смертным.
Убирает солёную прядь со лба,
Отгоняет ладонью
ветра и тени,
Защищая горы и города,
Потихоньку чахнет
без свежей крови.
Да не дрогнет скальпель
в твоей руке...
Так вскипает кофе
в посуде медной.
Ты умеешь, даже летя в пике,
Бесподобно прикидываться
бессмертной.

***

Знаешь, если посмотреть трезво,
Если спяну посмотреть даже,
Ты летаешь над такой бездной –
И взглядеться-то в неё страшно.

Ну куда ж тебя несёт, парень?
Что, опять тебе небес мало?
Вспоминай, как не летал – падал
И раскрашивал крыло алым.

***

Рисунки мелом.
Цветные пятна
на серых плитах.
Наивность формы,
смешенье красок,
неровность линий.
Глаза поднимешь к сырому небу:
«Теперь мы квиты»...
До первых ливней,

мой брат художник,
до первых ливней.

Едва просохнет –
на ту же площадь,
опять за дело.
Толпы безликой слепая злоба
тебе не внове.
Ты безупречен,
ты совершенство,
ты будешь в белом...
До первой крови,
мой брат повстанец,
до первой крови.

Когда примеришь
одежды цвета эритроцитов,
Пропьёт приятель
тридцатый проклятый
свой сестерций.
Глаза поднимешь к сырому небу:
«Теперь мы квиты?»
До первой смерти,
мой брат мессия,
до первой смерти.

***

Мой маленький аксолотль,
Стареть – не твоя планида.
Построим бальсовый плот
И свалим из неолита.
Аквариума тюрьма
Останется за кормою.
Смотри, зелена волна
До самого Земноморья.

Мой ласковый аксолотль,
Мой нежный, почти безгрешный,
Какой-нибудь столон.
Тебя назовёт мятежным.
Мечтатель и фантазёр,
Не слушай его, не слушай.
Эндемик чужих озёр,
Зачем тебе наша суша?

Сегодня закат зловец –
Пожары идут стеною.
Пора бы в окоп залечь,
Да кости и зубы ноют.
Держись, на подходе флот,
Писать завещанье рано,
Мой маленький аксолотль,
Дракончик Теночтитлана.